

Глава 16. Рулеты из боярышника

Помимо конфет в форме панд, Ли Цинвэнь решил сделать еще и «кошачьи лапки». Материалы остались те же: белоснежная пшеничная мука и темная кунжутная масса. Малыш старательно вылепливал из светлого теста сердечко, похожее на подушечку ладони, а сверху пристраивал четыре крошечных аккуратных пальчика.

Обойдясь без всяких красителей, он сумел создать забавный и живой узор, играя лишь на контрасте черного и белого.

Когда сахарный сироп доварили, Ли Цинвэнь не позволил вычерпать всё до капли. Оставив на дне котла немного тягучей массы, он выложил туда протертое пюре из боярышника и начал обжаривать.

Пока Ли Маосянь и Ли Цинму растягивали готовую патоку, превращая её в конфеты, госпожа Цзян перехватила лопатку и занялась боярышником. Работа была нехитрой: стоило пюре потемнеть, вобрав в себя сладость, как его тут же сняли с огня.

Готовую массу выложили и тонким ровным слоем распределили по листам промасленной бумаги, а затем вынесли наружу — досохнуть на солнце и свежем ветру.

Кроме Ли Цинвэня, все в семье Ли знали, что дикий боярышник сам по себе — ягода на любителя: мелкая да кислая. Но никто не попрекнул Малыша за то, что он извел на него драгоценный сироп. Напротив, все с любопытством ждали, что же из этого выйдет.

Пока домочадцы заканчивали дела, с западной стороны деревни донеслись громкие причитания и плач. Ли Цинфэн, подтянувшись на руках, заглянул через забор и, вернувшись, недовольно буркнул:

— Старая госпожа Чжан опять за свое. Совсем покоя от неё нет.

Старая госпожа, о которой говорил четвертый брат, была вдовой покойного брата главы клана. У неё было три сына и дочь. Ли Цинвэнь всё же помнил эту старушку — уж очень шумной и вздорной она была.

В те времена, когда и при живом муже в доме не всегда хватало хлеба, поднять в одиночку детей было задачей почти невыполнимой. Однако госпожа Чжан в поле трудиться не любила, зато языком владела мастерски. Пользуясь своим вдовством, она годами выманивала у родни деньги и зерно, а благодаря редкому дару заливаться слезами по любому поводу ухитрилась даже женить двух старших сыновей.

Мужа её звали Ли Бэньгао. Он был третьим сыном в семье, над ним были старшие братья, а ниже — младшая сестра. Будучи самым младшим среди мужчин, он приходился Ли Цинвэню

старым дедушкой. Бэньгао сгинул на казенных работах — говорят, поранился чем-то и сгорел от лихорадки за считанные дни. Уйти молодым, оставив престарелых родителей, жену и малых деток — участь горькая, и вся деревня тогда искренне сочувствовала семье.

Впрочем, в этих краях болезни и невзгоды косили людей часто, и соседи лишь вздыхали: «Видно, судьба такая».

Но вдова Чжан рассудила иначе. Она решила, что раз её муж погиб, исполняя повинность за всё семейство, то теперь родственники из третьей ветви по гроб жизни ей обязаны. С тех пор она и вовсе забросила работу. Стоило кому-то из родни хоть словом обмолвиться о помощи в поле, как старуха тут же принималась голосить: поминала покойника, жаловалась на горькую долю вдовы и сирот, которых каждый норовит обидеть, и клялась, что ей проще в петлю залезть, чем терпеть такое отношение.

Смерть Ли Бэньгао и так была незаживающей раной для клана, а выходки вдовы только бередили её. В конце концов на женщину махнули рукой: пускай делает что хочет, лишь бы не выла под окнами. В третьей ветви тогда было всего пять душ, и остальным семьям проще было поработать за них лишний час, чем слушать вечные причитания.

Почувствовав слабость, госпожа Чжан и вовсе распоясалась. Она не только перестала гнуть спину, но и требовала себе лучшие доли при разделе урожая. Логика её была проста: у других в домах есть кормильцы, а у неё — нет. Любое возражение тонуло в бесконечном вопле.

Когда племянники выросли и стали взрослыми, Ли Бэньшань и его старший брат решили, что с подачками пора кончать. В тот раз вдова скандалить не стала. Она просто пришла в дом к деверьям и прорыдала весь вечер, причитая, что у сыновей нет денег на выкуп за невест, и их ветвь теперь обречена на вымирание.

Ли Бэньшань, будучи главой клана, всегда радел за единство рода, но эта женщина выпила из него все соки. В сердцах он перебил не одну тарелку, но оставить племянников бобылями не смог: сцепив зубы, занял денег и помог справить свадьбу обоим.

Младший сын вдовы, Ли Маоцюнь, уродился совсем не в мать. Ему было невыносимо стыдно за её поведение. Едва возмужав, он пришел к обоим дядьям и твердо заявил: всё зерно и деньги, что мать вытянула из них за эти годы, он считает долгом и обязательно вернет.

Маоцюнь презирал старших братьев, которые трусливо прятались за материнской юбкой, пользуясь плодами её интриг. Он зарекся жениться, пока не встанет на ноги своими силами, и так дожил до двадцати девяти лет.

Юноша при любой возможности уходил на заработки, и госпожа Чжан ничего не могла с ним поделаться. Ли Бэньшань, напротив, очень ценил этого племянника и не раз советовал ему сначала обзавестись семьей, а уж потом думать о долгах. Но Маоцюнь был упрям как скала.

Казалось бы, братья Ли Бэньшань и его старший брат сделали для вдовы всё, что велит долг крови. Поженили сыновей, пора бы и честь знать. Но не тут-то было. Раз в десять дней старуха неизменно являлась к ним с плачем: то невестки попались неблагодарные, то судьба к ней несправедлива — растила детей, надрывалась, а теперь и слова поперек не скажи, и сыновья на сторону жен встают.

В чем была её вина перед небом, деревня не знала, зато все видели, что Ли Бэньшаню и его брату не повезло столкнуться с такой пиявкой.

Когда работа во дворе была закончена и семья уселась передохнуть, к ним вошли сыновья Ли Бэньшаня. Вид у обоих был хмурый. Не говоря ни слова, они принялись за плотницкое дело — хоть один станок для отжима сока уже был готов, лишним он явно не будет.

Госпожа Чэнь и невестка Цзян, отмыв котлы, принялись за ужин. Сидя у жаровни, они негромко переговаривались.

— Старая госпожа уже в годах, а голосит так, что за версту слышно, — прислушиваясь к доносящимся воплям, заметила невестка. — Сил-то откуда столько?

— Так она сроду тяжелее ложки ничего не поднимала, — отозвалась госпожа Чэнь. — Пока другие в поле спины гнули, она бока отлеживала. Вот и сохранилась лучше прочих. Да и не плачет она вовсе — так, связки тренирует. Хочет, чтобы твой второй дедушка пришел да приструнил её невесток.

— Так он же не раз ходил, да только проку мало. Неужто она не понимает, в какое неловкое положение его ставит?

— Ей до чужой беды дела нет, лишь бы самой сладко спалось, — вздохнула матушка Чэнь. — Только вот спокойной старости ей не видать. Невестки у неё — девки не промах, спуску не дадут. Сама виновата: полжизни над другими измывалась, теперь её черед наступил.

— Маоцюня только жалко, — добавила госпожа Цзян. — Парень справный, честный, с гордостью в душе, а вот поди ж ты — такая мать досталась...

Разговор затих, когда в котелке забулькала каша.

К вечеру ветер усилился. Боярышниковое пюре на листах бумаги подсохло и схватилось. Ли Цинвэнь аккуратно поддел край застывшей массы и начал сворачивать её. Получились длинные, упругие рулетики.

Нарезав их на кусочки длиной в ладонь, он раздал лакомство домашним. Все уселись в круг, пробуя угощение. Поначалу пластинка казалась твердоватой, но стоило её прикусить, как рот наполнялся густой, пронзительной кислинкой, которую тут же смягчала мягкая сладость.

Кисло-сладкий вкус и впрямь был чудесен!

— С сахаром-то как хорошо вышло! Совсем другое дело, — восхитилась госпожа Цзян. Вкус пришелся ей очень по душе.

Приготовить такое было несложно, но в обычной крестьянской семье сахар берегли пуше глаза. Тратить его на забавы с диким боярышником никому бы и в голову не пришло, и потому затея Ли Цинвэня произвела на всех маленькую сенсацию.

Ли Маосянь, как человек практичный, думал наперед. Оценив, как охотно домашние тянутся за добавкой, он спросил:

— Малыш, а на патоке из сорго такое выйдет?

Ли Цинвэнь кивнул. По сравнению с белым сахаром у сорговой патоки было меньше применений, но помимо цукатов, консервов и жареных блюд, из неё выйдут отличные рулеты и пастила из боярышника.

<http://bllate.org/book/15828/1433156>